

На правах рукописи

КОСТЕНКО Олеся Владимировна

**«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА
КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ**

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата культурологии

Краснодар
2025

Работа выполнена на кафедре философии, культурологии и межкультурных коммуникаций Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский университет культуры, искусств и туризма» Министерства культуры Республики Крым

Научный руководитель:

МИКИТИНЕЦ Ольга Ивановна,
кандидат философских наук, доцент, ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский университет культуры, искусств и туризма», доцент кафедры философии, культурологии и межкультурных коммуникаций

Официальные оппоненты:

МАЛЫГИНА Ирина Викторовна,
доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», заведующий кафедрой мировой культуры

РЕМИЗОВ Вячеслав Александрович,
доктор культурологии, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», эксперт управления научной политики и инновационной деятельности

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Защита состоится 25 декабря 2025 г. в 11.00 часов на заседании объединенного диссертационного совета 99.0.131.03 на базе ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва», ГБОУ ВО РК «Крымский университет, культуры, искусств и туризма» по адресу: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, каб. 28.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» по адресу: 350072, г. Краснодар, ул. 40 лет Победы, д. 33, корп. 1. Электронная версия полного текста диссертации размещена 14 октября 2025 г. на официальном сайте объединенного диссертационного совета 99.0.131.03: http://dissovet.heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2025/10/Kostenko_diss.pdf.

Объявление о защите и электронная версия автореферата размещены 24 октября 2025 г. на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации: <https://vak.minobrnauki.gov.ru> и на официальном сайте объединенного диссертационного совета 99.0.131.03: <http://dissovet.heritage-institute.ru>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Т. В. Коваленко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обуславливается сложностью и многогранностью современных культурных процессов, требующих своего осмысления с позиций культурологии. Так, в теории и истории культуры вопросы динамики культуры, появление и трансформация её форм практически всегда относились к ключевым проблемам. Представляя собой интегративный феномен, объединяющий все аспекты социального бытия человека¹, в современных исследованиях культура понимается как инструмент социального управления и формирования социокультурных ценностей, норм, смыслов, лежащих в основе общественного мировоззрения. Также современная теория культуры всё чаще рассматривает её в качестве одного из важнейших факторов национальной безопасности, указывая на непосредственную культурную обусловленность аксиологических социальных установок, национальной и личной идентичности. Отметим, что именно культурные конструкты сегодня используются в качестве одного из инструментов современного типа войн, целью которых является, в том числе, искажение либо уничтожение культурных ценностей и кодов, конституирующих национальные и цивилизационные смыслы.

В данном контексте ключевую роль в динамике культуры играют механизмы цензурирования и модификации существующих форм культурно-цивилизационных взаимодействий. Они обуславливают появление новых аксиологических и поведенческих установок и воздействуют на ценностное ядро самой культуры. Среди современных форм трансформации культуры наибольший интерес представляет «культура отмены», напрямую влияющая на внутрикультурное и межкультурное взаимодействие, а также на искажение культурной идентичности. Возникшая в социальной среде США и Европы XX века как технология борьбы за социальное равенство, она представляет собой современную форму остракизма и «манипулирования общественным мнением»². Сегодня в нарративе западной цивилизации под «культурой отмены» или канселлингом чаще всего понимают инструмент установления социальной справедливости. Тем не менее, в контексте культурологических исследований динамики культуры она понимается шире и интерпретируется как деструктивная форма межкультурного взаимодействия. Это определённая мировоззренческая установка, которая предполагает как игнорирование, так и искоренение не только культуры ныне живущих людей, но и событий, связанных с их прошлым, а также сопряженных с ними интенций в возможное будущее. Чаще всего площадкой для современных культурных взаимодействий выступает цифровое пространство, где используются современные технологии воздействия на

¹ Флиер А. Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры // Культура культуры. 2019. № 1. URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (дата обращения: 18.03.2024).

² Симхович В. А. Культура отмены как инструмент манипулирования общественным мнением // Современный социум: социология жизни (междисциплинарный профиль) : матер. I междунар. науч.-методолог. междисциплинар. семинара. Минск, 2022. С. 212.

сознание социальных масс, одной из которых и является «культура отмены». Её сущность заключается в искажении либо нивелировании ценности человека или целого народа практически не поддающимися контролю со стороны общества и государства средствами. Происходит подмена социальных институтов, обеспечивающих справедливость, на внеинституциональные формы социального взаимодействия (Интернет-пространство, социальные сети), которые, тем не менее, достаточно эффективны в отношении формирования общественного мнения и продвижения определённых аксиологических установок. Подчеркнём, что «культура отмены» одинаково применима как к отдельным людям, так и к целым культурам. Так в последние годы лежащий в её основе запрет отдельной личности и социальной группы на определённый тип действий трансформировался в другую, общекультурную плоскость и приобрёл международный и, в отдельных случаях, – цивилизационный характер. Ярким примером такого проявления «культуры отмены» являются попытки отменить русскую культуру путём «навязывания идеологических установок, противоречащих традиционным российским духовно-нравственным ценностям»¹. Здесь «культура отмены» выступает в качестве современной формы динамики культуры, наряду с такими, уже устоявшимися моделями, как, например, диалог культур. Именно такую цивилизационную и даже глобальную специфику отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин, подчеркивая, что чрезмерная политизация культуры превратила «её в оружие геополитических интриг»², направленное на борьбу с национальными ценностями. В этом ключе «культура отмены», представляет собой «публичный остракизм, бойкотирование, а то и полное замалчивание, забвение очевидных фактов, книг, имён исторических и современных общественных деятелей, литераторов, просто людей, которые не вписываются, не укладываются в современные шаблоны, какими бы абсурдными они на самом деле ни были»³.

Таким образом, историко-культурное и теоретико-методологическое исследование сущности «культуры отмены» позволяет на основе концептуализации данного феномена представить культурологическую модель «культуры отмены», показать её место в динамике культуры, выделить базовые характеристики и определить семантические границы. Это даёт возможность описать и систематизировать как современные, так и имевшие место в истории человечества деструктивные проявления культурно-цивилизационных взаимодействий, проследить их эволюцию и динамику в условиях современных социокультурных процессов.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // Президент России [Сайт]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/HCM4ADyLOooRo7aqM253tzKJZdhkiAEC.pdf> (дата обращения: 14.07.2025).

² Пленарное заседание Форума объединённых культур // Президент России [Сайт]. 12 сент. 2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75091> (дата обращения: 13.09.2024).

³ Бабалова М. Владимир Путин: Пресловутая «культура отмены» превратилась в «отмену культуры» // Российская газета [Сайт]. 28 марта 2022. URL: <https://rg.ru/2022/03/28/vladimir-putin-preslovutaia-kultura-otmeny-prevratilas-v-otmenu-kultury.html> (дата обращения: 12.03.2024).

Степень научной разработанности проблематики. Проблема концептуализации «культуры отмены» как современной преимущественно деструктивной формы культурно-цивилизационных взаимодействий потребовала обращения к исследованиям форм динамики культуры, концепциям культурно-цивилизационных типов, форм и связей между ними, а также цивилизационному подходу в целом. Так, формы и особенности культурной динамики рассматриваются диссертантом на основе работ Ю. М. Лотмана, П. А. Сорокина, О. Н. Астафьевой, В. А. Ремизова, И. В. Малыгиной, С. А. Кравченко, А. Н. Тарасова, В. Д. Жукоцкого, З. Р. Жукоцкой и др.

В качестве методологической основы автор обратился к исследованиям Н. Я. Данилевского, А. Тойнби, С. Хантингтона, раскрывающим суть цивилизационного подхода и специфику межцивилизационных взаимодействий в истории культуры. Обращение к концепции «разлома между цивилизациями» С. Хантингтона позволило раскрыть теоретическую основу цивилизационной специфики проявлений «культуры отмены» в современном обществе (в частности, в отношении русской культуры) и обосновать её как цензурирующую технологию регуляции социокультурных процессов. Помимо заявленных концепций сущность цивилизации и её особенности раскрываются автором на основании работ О. Шпенглера, С. Конрада, П. А. Сорокина, О. Н. Астафьевой, М. А. Полетаевой, М. А. Ефимец. Особо следует отметить труды И. Н. Панарина, Н. Г. Денисова, В. А. Ремизова, В. С. Садовской, О. В. Ремизова, Т. А. Пархоменко, И. И. Горловой, В. П. Гриценко, А. Ю. Микитинца, О. И. Микитинец, посвящённые специфике и основным формам межкультурного и цивилизационного взаимодействия в современном мире и раскрывающие цивилизационный вектор развития России на современном этапе через призму российского государства-цивилизации и концепции «Русского мира».

Наиболее близкой к «культуре отмены» по функциональной природе воздействия в рамках одной социокультурной системы является контркультура. В диссертационном исследовании «культура отмены» раскрывается как её частный случай, рецидив, что обусловило необходимость изучения и анализа контркультурных технологий и поиск сходств и различий с современной «культурой отмены». Интерпретации контркультуры как чужеродной официальной культуре формы посвящены работы Т. Б. Щепанской, Е. Омельченко, М. А. Султановой, В. К. Сергеевым, О. И. Микитинец и др. Контркультура в широком смысле как механизм трансформации культуры и замещения устоявшихся культурных ценностей на новые, соответствующие актуальным социальным запросам, представлена в работах В. К. Королева, П. С. Гуревича, И. В. Ковшовой, А. В. Васильевой, М. В. Миндолиной, А. И. Бондаренко и др.

Важную для диссертационного исследования группу работ представляют труды, позволяющие теоретически обосновать методологические основы концепта «культуры отмены». Это позволило раскрыть и описать эволюцию исторических, морально-этических, социально-

политических и культурно-цивилизационных аспектов технологий, объединяемых сегодня понятием «культура отмены», начиная с Античности. В качестве теоретических основ культурного превосходства и отмены культуры были привлечены и проанализированы исследования Ж. А. Гобино, Ж. Ж. Руссо, а также труды Ф. Ницше, раскрывающие и обосновывающие относительность морали. Современные исследования, отражающие вариативность и субъективность морали, а также раскрывающие особенности установления «новой морали», представлены в концепциях Э. Ноэль-Нойман («спираль молчания»), Ю. Хабермаса («политически активная общественность»), Н. Больца («социальная справедливость как идеал»). Установленные в вышеприведённых трудах характеристики, создающие основу современных форм морали, а также особенности новых идентификационных стратегий позволяют глубже понять и раскрыть механизмы современной «культуры отмены».

Особую ценность в философско-методологическом обосновании природы «культуры отмены» представляют работы, посвящённые исторической памяти, манипулированию и искажению истории Г. Риккерта, П. Рикёра, В. Анкерсмита, П. Хаттона, Обоснованная философами *нарративная модель истории* в диссертационном исследовании выступает как методологическая основа цивилизационного уровня «культуры отмены». В контексте современных проявлений технологий отмены данная специфика раскрывается в трудах Е. Н. Костиной, С. В. Чугрова, И. М. Гашковой, И. И. Горловой, А. Л. Зорина, Т. В. Коваленко, Н. А. Комлевой.

Отметим, что культурологическое осмысление феномена «культуры отмены» сравнительно недавно вышло на передний план научного поиска, тем не менее, проведённое исследование показывает, что практики исключения и забвения в обществе и культуре представляют собой далеко не новое явление и возникали в различных формах на протяжении истории. Особый интерес представляют в этом ключе работы культурных антропологов, и, в частности, труды А. Рэдклифа-Брауна, где исследуются исторические формы остракизма и механизмы изгнания в примитивных культурах. Также различные социальные практики, лежащие в основе современной «культуры отмены», отражены в работах А. Р. Павлушкова, Г. Кузнецова, М. Ступко, В. А. Виноградова, Е. Л. Киселевой, А. В. Никитина, О. М. Орлинской, П. В. Седаева, С. В. Устинкина, А. А. Фоменкова, Дж. Хайдса, Г. Лукианоффа, А. Ф. Фелелова и других.

Само понятие «культуры отмены» является достаточно новым в научном пространстве, активно его начали использовать с 10-х годов XXI века, и основной пласт научных исследований представляет собой публикации на английском языке. Как утверждает американский профессор Ив Нг (Eve Ng), её эссе о «культуре отмены», опубликованное в 2020 году, стало первой академической попыткой осмысления данного феномена, а в 2022 году выходит первое издание, посвящённое критическому анализу «культуры отмены» и включающее описание её появления в США, цифровые (#MeToo) и нецифровые формы (политические движения, движения против

расизма). Следует выделить публикации американского политолога, профессора сравнительной политологии Гарвардского университета П. Норрис, первоначально рассматривающей «культуру отмены» в университетской среде. Подчеркнём, что П. Норрис ограничивала изучение «культуры отмены» рамками политической науки, где данное явление определяется как технология не только подавления альтернативных точек зрения в обществе, но и угроза академической свободе и подавления мнений в университетском пространстве. Отметим работу Дж. Хайдт и Г. Лукьянова, посвящённую зарождению «культуры отмены» в университетских кругах, а также исследование Б. Г. Муджтаба и Ф. Дж. Кавико по технологиям «культуры отмены» в контексте движения MeToo.

Концептуализация «культуры отмены» потребовала определения её семантических границ, что обусловило обращение к функциональному и аксиологическому подходам к интерпретации культуры. Сравнительный анализ русскоязычной и англоязычной традиций понимания культуры позволяет осмыслить деструктивную природу «культуры отмены» и показать утилитарное, функциональное отношение к культурным ценностям в западной трактовке. Данный аспект отражён в исследованиях Ф. Фукуямы, Л. Уайта О. В. Большаковой, Т. Ю. Данильченко и др. Аксиологический характер отечественной интерпретации культуры раскрывается в определениях А. Я. Флиера, В. С. Степина, Т. Парсонса, Г. Риккерта, П. А. Сорокина.

В современном научном пространстве осмысление «культуры отмены» только начинается, тем не менее, в настоящее время это понятие имеет несколько смысловых векторов в зависимости от контекста употребления и дисциплинарного пространства его использования. В этой связи посвящённые ему исследования можно условно разделить на несколько групп.

Исследования теоретических основ «культуры отмены» только появляются в современном научном пространстве. Концептуализации «культуры отмены» в социально-политическом ключе посвящено исследование Л. Р. Рустамовой и А. К. Адрианова, его лингвистический вектор отражён в работах А. Ф. Фефелова, Л. В. Коцюбинской, Е. А. Марутиной, исторические и социальные основы рассматриваются в трудах Г. С. Стрекалова, Ю. С. Филиппович, а философский уровень концептуализации представлен в исследованиях А. В. Овчинникова, Д. А. Аникина, П. Г. Былевского и Е. П. Цацкиной.

В целом, в диссертационной работе были выделены *три смысловых вектора интерпретации «культуры отмены»*: как технологии управления и контроля цифрового пространства и мира социальных сетей; как механизма смены ценностных парадигм и искажения идентификационных стратегий в контексте «новой этики»; как социально-политической технологии гибридной войны с «неудобными культурными кодами». Согласно данным смысловым интенциям целесообразно разделить и непосредственно посвящённые «культуре отмены» или связанные с ней исследования.

Цифровая природа «культуры отмены» отражена в трудах Мереди Д. Кларк, П. Норрис, Л. Альвареса Триго, Э. Фаррис, П. Керриган, Е. Сиопера,

Дж. Дин, Л. Ю. Шураевой, А. Г. Коринец, И. А. Быкова, Ю. Ахмедовой, К. Коктыш, А. Ренард-Коктыш, А. В. Бойко.

Целый пласт научных публикаций посвящён наиболее распространенной форме «культуры отмены» – движениям «новой этики». В исследованиях А. А. Гусейнова, М. Эпштейна, С. Фелан, А. В. Топилиной «новая этика» рассматривается сквозь призму смены этических парадигм, лежащих в основе социального устройства. Н. Г. Кротовская и В. С. Кулагина-Ярцева представили наиболее полный обзор существующих в настоящее время концепций «новой этики», анализируя её положительные и отрицательные стороны. Важным этапом исследования особенностей «культуры отмены» как инструмента актуализации «новой этики» является её обсуждение в докладах участников Международных Лихачевских научных чтений 2022 и 2023 гг. (Т. И. Ерохина, О. Ю. Юхнина, А. П. Марков, Е. А. Полякова и др.) Именно данный смысловой вектор «культуры отмены» в наибольшей степени связан с идентичностью, и позволяет определять её как механизм смены ценностных парадигм и искажения идентификационных стратегий. Тем не менее, подчеркнём, что практически все исследования «новой этики» не выходят за пределы внутрикультурного уровня, зачастую оставляя за пределами «культуры отмены» её политизированную цивилизационную форму.

Для понимания сущности технологий «культуры отмены» важны работы, посвящённые проблемам культурной идентичности (С. Бенхаbib, Ф. Фукуямы, О. Н. Астафьевой, И. В. Малыгиной, А. В. Швецовой). Особенности цензурирования культуры, смены либо искажения ценностных установок, а также дисфункциональным проявлениям технологий «культуры отмены» посвящены труды Б. Лорда, К. Н. Бочаровой, К. Коктыш, А. Ренард-Коктыш, А. Ю. Демшиной и др. Представленные в них исследования позволяют говорить о разрушительной, деструктивной природе «культуры отмены».

Социально-политический контекст установления и проявления «культуры отмены» отражается в исследованиях Л. В. Дериглазовой, А. М. Погорельской, В. А. Симхович, М. В. Субботиной, Л. Р. Рустамовой, А. К. Адрианова, Г. Ю. Дашинимаева, М. И. Савченковой, Л. Г. Фишмана, Дж. Маквотера, Х. Гиоргис, П. Браннаган, И. Манор.

Правовые аспекты «культуры отмены» и её внеинституциональная природа затрагиваются в работах В. А. Виноградова, М. В. Барановой, К. Э. Лисицы, В. А. Туркулец.

«Культура отмены» как попытка исключения русской культуры активно освещается в СМИ с 2022 года, однако в научных исследованиях исследование данного вектора только начинается, охватывая политико-правовой, социокультурный и репутационный аспекты. Так, например, В. А. Виноградов, рассматривая «культуру отмены» в правовом поле, только упоминает об «отмене России», сосредотачивая свое внимание на её репутационном бойкоте в цифровом пространстве. В контексте попыток отмены русской культуры канселлинг рассматривается О. Ю. Юхниной,

Е. М. Гашковой, отмечающими специфику отмены культуры целых государств, приводя в пример отмену Югославии, а позже и Сербии, и описывая специфику политики искажения исторической и культурной памяти в контексте «культуры отмены». Отдельно отметим подход, развиваемый современными исследователями Л. К. Салиевой, Э. А. Арутюнова-Ястребковой, А. Цеппи, интерпретирующими «культуру отмены» как политико-коммуникационную технологию нанесения ущерба имиджу России как государству в целом.

Для исследования «культуры отмены» в контексте национальной безопасности России важными являются труды А. В. Костиной, Э. Ф. Макаревича, О. И. Карпухина, В. А. Лукова, В. А. Ремизова, О. В. Ремизова, Т. А. Дорониной, Л. Р. Рустамовой, Д. Г. Ивановой, Н. А. Комлевой. Отметим, что попытки отмены русских культурных ценностей трактуются в культурной политике и ряде научных исследований в контексте угроз национальной безопасности и определяются как проявление западной русофобии, что на разном уровне отражается в работах Е. А. Поповой, А. Зиновьева, О. Ю. Юхниной, И. И. Горловой, А. Л. Зорина, С. А. Кравченко, Т. А. Пархоменко, Л. Р. Рустамовой, А. К. Адрианова.

Важным элементом диссертационного исследования является поиск путей защиты от цивилизационных проявлений «культуры отмены». Здесь особо отметим исследования культурного суверенитета (А. Д. Харичев, Ю. С. Путрик, А. П. Соловьев), становления российской цивилизации (Н. Г. Денисов, В. В. Аристархов и др.), а также современных тенденций государственной культурной политики Российской Федерации (О. Н. Астафьева, В. А. Горенкин, А. В. Швецова, И. И. Горлова, А. Л. Зорин, Т. В. Коваленко, Е. М. Гашкова).

При наличии достаточно большого количества исследований «культуры отмены» практически не встречаются работы, в которых был бы осуществлен всесторонний и систематический культурно-теоретический анализ, а также сопоставление смысловых аспектов всех форм данного феномена, её интерпретация как формы *динамики* и *цензурирования* культуры. Как следствие, несмотря на различные факты осмысления «культуры отмены» и освящения её кейсов в СМИ, она до сих пор не определена как культурологический концепт, особенно в контексте цивилизационных противостояний, что и обусловило выбор диссертантом вектора рассмотрения данной темы.

Изучение научной литературы по теме исследования позволило определить основные подходы к исследованию феномена «культуры отмены» и научно-квалификационные характеристики работы.

Проблема исследования заключается в необходимости культурологической концептуализации «культуры отмены» как современной формы культурно-цивилизационных взаимодействий, прошедшей эволюцию от социальной технологии манипулирования общественным мнением до односторонней, преимущественно деструктивной формы динамики культуры, оказывающей значительное влияние на современные социокультурные

процессы, но не имеющей единого смыслового вектора интерпретации как культурного феномена.

Объектом исследования являются культурно-цивилизационные взаимодействия как динамическая система.

Предметом исследования выступает «культура отмены» как современная форма культурно-цивилизационных взаимодействий.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей «культуры отмены» как современной формы культурно-цивилизационных взаимодействий.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие **задачи**:

1. Проанализировать культурно-цивилизационные взаимодействия в системе динамики культуры.

2. Выявить философско-методологические предпосылки феномена «культура отмены».

3. Охарактеризовать генезис «культуры отмены» и её эволюцию в рамках социальных течений XX–XXI веков.

4. Рассмотреть основы интерпретации феномена «культура отмены» в рамках сопоставления аксиологического и функционального подходов к культуре.

5. Представить «культуру отмены» в качестве современного культурологического концепта.

6. На примере попыток отмены русской культуры дать характеристику деструктивным проявлениям «культуры отмены» в культурно-цивилизационных взаимодействиях.

Хронологические рамки заданы необходимостью описать генезис и эволюцию современного феномена «культуры отмены» и охватывают период с начала XXI века по настоящее время. В то же время понимание «культуры отмены» как современной формы культурно-цивилизационных взаимодействий обуславливает необходимость обращения к анализу культурных и социально-политических движений на протяжении истории человечества.

Территориальные границы исследования. Основное внимание в диссертации сфокусировано на Российской Федерации. Также в работе проведен анализ зарождения «культуры отмены», что связано с движениями, зародившимися и распространёнными в США и европейских странах.

Источниковая база исследования представлена, прежде всего, информационными ресурсами, статистическими данными, периодическими изданиями и нормативно-правовыми документами. Обширную часть источников исследования занимают публикации в популярных периодических изданиях и средствах массовой информации, что обусловлено спецификой предмета диссертационного исследования. Данные материалы позволили всесторонне, с разных ракурсов рассмотреть и представить особенности механизмов «культуры отмены», проследить основные векторы её развития механизмов, оценить динамику, а также получить представление об общественном мнении. Диссертантом также использовались нормативно-

правовые документы, характеризующие «культуру отмены» как социальную технологию¹; акты в области защиты исторической памяти и традиционных ценностей; охраны культурного наследия и популяризации культуры; стратегии национальной безопасности и внешней политики Российской Федерации. Также в исследовании были использованы статистические данные ВЦИОМ о распространении «культуры отмены» в России².

Методология и методы исследования. Специфика предметной области диссертационного исследования определяет необходимость обращения к нескольким подходам, позволившим всесторонне рассмотреть особенности «культуры отмены» и провести её концептуализацию в культурологическом поле. Так как «культура отмены» представляет собой достаточно размытую и противоречивую форму культурной динамики, требующую установления смысловых границ, её исследование обусловило привлечение *междисциплинарного подхода*. Он позволил выявить культурные, социальные, политические, философские, исторические и иные характеристики «культуры отмены» и представить её как культурологический концепт. Отметим, что концептуализация понятия и выявление его смысловых границ предполагает определённое упрощение и схематизацию, что, тем не менее, позволяет определить её основные характеристики, проанализировать и упорядочить проявления «культуры отмены». При конструировании культурологической модели «культуры отмены» диссертантом был взят за основу парадигмальный подход Т. Куна, который был применён американским политологом С. Хантингтоном при обосновании умозрительной модели столкновения цивилизаций. Исходя из сущности концептуализации как методологической процедуры определения базовых признаков и характеристик объекта с последующей теоретизацией и созданием упрощённой модели, отметим, что концепция не в состоянии объяснять абсолютно всё и не может применяться к оцениванию всех социокультурных проявлений. Представленная концепция «культуры отмены» – это только отправная точка для объяснения части как современных, так и имевших место в истории деструктивных форм культурно-цивилизационных процессов. Она представляет собой упрощённую модель, своеобразную карту, которая, как отмечал С. Хантингтон, «одновременно и отображает, и упрощает реальность таким образом, чтобы это лучше всего подходило нашим целям»³. Таким образом, концептуализация «культуры отмены» представляет собой создание простой модели одной из форм современных культурно-цивилизационных взаимодействий, позволяющей понимать и систематизировать многочисленные проявления отмены в современной динамике культуры.

¹ Искоренение насилия и домогательств в сфере труда. Конвенция 190, Рекомендация 206 и сопровождающая их резолюция // International Labour Organization [Сайт]. URL: <https://www.ilo.org › media › download> (дата обращения: 10.10.2024).

² Подборка данных ВЦИОМ к тематическому выпуску СоциоДиггера «Синдром отмены» № 17. 72 с. URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 20.02.2025).

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М., 2003. С. 30.

Также на разных этапах исследования для описания специфики «культуры отмены» и её проявлений в диссертационном исследовании используются структурно-функциональный и аксиологический подходы.

Структурно-функциональный подход, разработанный в рамках парадигмы культурной (социальной) антропологии (А. Редклиф-Браун и др.), определяет культуру как динамическую, системно взаимосвязанную совокупность элементов, каждый из которых имеет конкретное предназначение, и позволяет удовлетворить потребности человека с учетом сохранения целостности и непрерывности развития общества. Структурно-функциональный подход позволяет отнести «культуру отмены» к социокультурным технологиям цензурирования и регуляции социальных процессов.

С позиций аксиологического подхода (П. Сорокин, Г. Риккерт и др.) культура понимается как «ценностная матрица», определяющая паттерны поведения индивидов конкретного общества и фактически являющаяся нормативным регулятором не только внутрикультурных, но и внешних, междивизиационных взаимодействий, позволяя включить в своё пространство инокультурные элементы, появляющиеся вследствие культурной диффузии. В этом отношении, согласно развиваемому междисциплинарному подходу, аксиологический подход полностью не противопоставляется, но скорее дополняет структурно-функциональный, позволяя выделить и охарактеризовать основные признаки «культуры отмены».

В свете обозначенных выше подходов в контексте данного диссертационного исследования механизмы реализации «культуры отмены» интерпретируются деструктивно – как технологии уничтожения противоположной культуры не только внутри отдельного общества (контркультуры), но и иной цивилизации.

В результате применения *сравнительно-исторического метода* при анализе эволюции «культуры отмены» диссертантом были сопоставлены основные правовые, социальные, в том числе и внеинституциональные, практики исключения и лишения, существовавшие в различные исторические периоды.

Феномен «культуры отмены» рассматривается в диссертации как преимущественно деструктивная форма культурно-цивилизационных взаимодействий, что потребовало привлечения *историко-культурных* и *культурно-антропологических исследований* в качестве методологической базы. Культурно-цивилизационные взаимодействия описываются диссертантом на основании концепций Н. Я. Данилевского, П. А. Сорокина, А. Тойнби, С. Хантингтона и др. Понимание контркультуры как формы регуляции и культурного конфликта основывается на концепциях Т. Розака, М. А. Султановой, П. С. Гуревича, Т. Б. Щепанской, В. К. Сергеева и др.

При выявлении деструктивных и цензурирующих функций «культуры отмены» автором были привлечены сопредельные концепты морали (Ф. Ницше), идентичности (С. Бенхабиб, И. В. Малыгина), исторической

памяти и исторического нарратива (Г. Риккерт, П. Рикёр, П. Хаттон, Ф. Анкерсмит), общественного мнения (Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локк, Д. Юм, Ю. Хабермас) и социальной справедливости (Н. Больц, Э. Ноэль-Нойман). В процессе концептуализации исследуемого понятия, а также при выявлении основных признаков «культуры отмены» были использованы концепции гибридных войн (И. Н. Панарин, А. В. Костина, Е. А. Попова) и цифровых технологий социального управления.

На различных этапах диссертационного исследования применялись такие методы, как *аналитический*, позволивший изучить различные научные подходы к интерпретации «культуры отмены», а также *структурно-семиотический* и *герменевтический*. Они позволили выявить этимологические предпосылки полярной интерпретации культуры в отечественном и англоязычном социальных пространствах, лежащие в основе различных трактовок «культуры отмены» как социальной технологии и механизма «удаления культуры».

Также в качестве вспомогательного метода в диссертации был привлечён качественный контент-анализ, при помощи которого был проанализирован ряд публикаций в российских и иностранных СМИ. Это позволило выявить специфику развития и основные закономерности «культуры отмены» в России и за рубежом, а также проследить наиболее распространённые смыслы, вкладываемые в данное понятие. Этот метод позволил показать конкретные проявления «культуры отмены» как в сфере культуры и искусств, так и в отношении попыток отмены русской культуры.

Научная новизна и теоретическая значимость заключаются в культурологическом осмыслении и концептуализации понятия «культура отмены».

1. *Уточнено*, что в современной системе динамики культуры на первый план выходят два уровня взаимодействий: внутрикультурный и цивилизационный. Это позволяет определить культурно-цивилизационные взаимодействия как динамическую систему интеракции двух и более культур или цивилизаций, порождающую отношения и изменения, сущность которых определяется степенью корреляции аксиологической и идентификационной составляющих участников данных отношений. *Получила дальнейшее развитие* концепция «разлома между цивилизациями» С. Хантингтона, наиболее полно раскрывающая причины и особенности межкультурного и цивилизационного проявления технологий «культуры отмены» и её связи с современными идентификационными стратегиями. *Впервые* на основании концепций культурно-исторических типов раскрывается цивилизационный уровень «культуры отмены» и выявляется её деструктивный характер в динамике культуры. *Уточнено*, что «культура отмены» как цензурирующая форма культурно-цивилизационных взаимодействий имеет два уровня проявления: как контркультурная технология внутри одной культуры либо между различными культурными системами в рамках одной цивилизации; как механизм разлома между цивилизациями, проявляющийся в попытках отмены либо искажения чужих культурных кодов.

2. *Выявлены* предпосылки «культуры отмены», сущность которой коррелятивна концепциям относительности морали, «общественного мнения», субъективности исторической памяти, «забвения» и манипулирования в исторических нарративах, «спирали молчания» и социальной справедливости.

3. *Уточнено*, что «культура отмены» как современная технология манипулирования общественным мнением прошла долгую эволюцию, включающую как правовые механизмы, так и внеинституциональные формы. При сопоставлении различных проявлений «культуры отмены» *установлено*, что в самом широком смысле она представляет собой трансформировавшиеся внеправовые социокультурные механизмы. Они направлены на регуляцию неприемлемых социумом или отдельной группой действий и противодействуют на уровне гражданского общества нежелательным в конкретной ценностной парадигме паттернам поведения. *Доказано*, что «культура отмены» не ограничивается семантикой социального манипулирования и сменой ценностных установок в рамках только одной культуры, а представляет собой форму культурной динамики и цивилизационных противостояний.

4. *Уточнены* семантические основания понятия «культуры отмены», раскрыта взаимосвязь между полярной интерпретацией культуры в русскоязычном и западном пространстве, и непосредственной трактовкой феномена «культуры отмены». *Установлено*, что именно функциональная трактовка культуры при исключении эстетико-аксиологической составляющей лежит в основе появления механизмов «культуры отмены» как деструктивной формы культурно-цивилизационного взаимодействия.

5. *Впервые* «культура отмены» представлена как культурологический концепт. Были определены значимые признаки, расширены и дополнены основные черты и базовые характеристики «культуры отмены», представлена её авторская типология. *Впервые* идентичность выделена в качестве одного из базовых элементов «культуры отмены». *Доказано*, что «культура отмены» представляет собой особый деструктивный механизм, способный исказить прежние и создавать новые стратегии личной, культурной и цивилизационной идентичности.

6. *Уточнена* деструктивная составляющая «культуры отмены» в межкультурных взаимодействиях. На конкретных примерах западного «исключения» русской культуры обосновано, что «культура отмены» выступает современным элементом осуществления гибридных войн (в виде социально-политической сублимации войны как прямого вооруженного противостояния), механизмом легитимации свободного и практически неограниченного распространения русофобии, а также актуальным способом противодействия реализации «мягкой силы».

На защиту выносятся следующие положения:

1. В динамике культуры, понимаемой как изменение состояния и форм взаимодействия, присутствуют как ценностные механизмы (сохранения базовых культурных кодов), так и механизмы их разрушения, выделяются два

типа регулятивных механизмов. Первый предполагает двустороннюю коммуникацию (диалог культур, мультикультурализм), а второй включает формы, отвергающие коммуникацию и имеющие односторонний вектор воздействия (культурный фундаментализм, контркультура, «культура отмены»). В системе культурно-цивилизационных взаимодействий «культура отмены» проявляется как один из механизмов смены либо слома устоявшихся культурных кодов, выполняющий регулятивную и цензурирующую функцию и проявляется на двух уровнях: внутрикультурном и цивилизационном. В рамках одной культуры «культура отмены» проявляется как рецидив контркультуры, внося деструктивные (с точки зрения «родительской» культуры) элементы в парадигмальное ядро культуры и тем самым меняя её ценностное наполнение. На уровне цивилизационных взаимодействий «культура отмены» представляет собой механизм «разлома между цивилизациями», а её технологии в цивилизационной плоскости предназначены для уничтожения или искажения чужих культурных кодов и ценностных установок. Основным отличием цивилизационного уровня «культуры отмены» является полная управляемость её технологиями и трансформация в действенный инструмент войны с неугодной культурой.

2. Контекстуальная форма употребления понятия «культуры отмены», а также многообразие проявлений практик исключения в динамике культуры обусловили необходимость привлечения философско-методологического инструментария, что позволило определить пограничные «культуре отмены» феномены. Диссертантом были выделены три вектора философско-теоретических концепций, раскрывающих цензурирующую природу «культуры отмены»:

– относительность формирования морали, строящаяся на принятии норм и ценностей, соответствующих конкретному цивилизационному вектору, и исключая неугодные культурные установки. Данные смыслы в полной мере отражаются в интерпретации «культуры отмены» как технологии установления социальной безопасности и равенства в рамках движений «новой этики»;

– субъективность интерпретаций прошлого при формировании исторической памяти. Нарративная сущность современного описания исторических событий рассматривается в диссертации как *методологическая основа* технологии «культуры отмены», когда история и память выступают в качестве политических инструментов. Данные особенности позволяют говорить о применении технологий отмены к искажению идентификационных стратегий вплоть до национального уровня;

– концепции социальной справедливости и «спирали молчания», лежащие в основе понимания «культуры отмены» в качестве инструмента манипулирования общественным мнением, когда технологии отмены подменяют устоявшиеся правовые институты.

3. На основании сравнительно-исторического анализа были рассмотрены и сопоставлены основные социокультурные механизмы бойкота, исключения и изгнания, имевшие место в различные исторические периоды.

В диссертационном исследовании было установлено, что данные практики применялись в отношении лиц, либо совершавших преступления против общества, либо представлявших угрозу для социальной стабильности и государственного устройства. На возникновение современной формы «культуры отмены» оказало значительное влияние появление цифрового коммуникативного пространства, породившего внеинституциональные, а потому практически не поддающиеся воздействию инструменты социального манипулирования. Современная «культура отмены» представляет собой полисемантическое явление и включает несколько крупных, преимущественно западных течений: так называемую «культуру безопасности» американских студентов, движение #MeToo, протесты против расизма, «новую этику», а также социально-политические технологии отмены неудобной культуры. Несмотря на разнообразие проявлений «культуры отмены», её природа заключается в так называемом «обеспечении безопасности» ценностного ядра конкретного сообщества или целой культуры, что строится на механизмах цензурирования, возмездия, манипулирования общественным мнением и нарушении принципов свободы слова.

4. Семантическое наполнение понятия «культуры отмены» крайне неоднородно и зависит от контекста употребления. Диссертантом установлено, что причиной разнообразия интерпретаций выступает различие в понимании самой культуры. Англоязычная трактовка культуры, лежащая в основании феномена «культуры отмены», исходит из бинарной оппозиции «свой/чужой», в то время как русскоязычная не предполагает прямого противопоставления и иерархии культур. Сопоставление аксиологического и функционального подходов к культуре позволило выявить причины превалирования её функциональной значимости в современном социуме по отношению к аксиологическим установкам. Именно функциональная интерпретация культуры лежит в основе трансформации «культуры отмены» как социальной технологии в отмену культуры как инструмент гибридных цивилизационных войн и технологию уничтожения неудобных культур. Такая смена смыслового содержания влечет за собой расширение трактовки «культуры отмены» и перенос её в цивилизационную плоскость как деструктивной формы, в которой полностью отсутствует эстетико-аксиологическая составляющая.

5. В результате применения междисциплинарного подхода было выявлено три основных смысловых вектора «культуры отмены»: как технологии управления и контроля цифрового пространства и мира социальных сетей; как механизма смены и искажения идентификационных стратегий в контексте «новой этики»; как социально-политической технологии гибридной войны с «неудобными культурными кодами».

Несмотря на многообразие и семантическую неоднородность проявлений «культуры отмены» диссертантом были выделены и описаны основные черты данного феномена: массовость, обеспечиваемая посредством распространения в цифровом пространстве; опора на

идентификационные стратегии; цензурирование культуры как изменение или искажение её ценностного ядра; внеинституциональность, а, следовательно, отсутствие структуры, присущей правовым институтам; деструктивность. Определено, что технологии «культуры отмены» способны как выстраивать, так и искажать идентичность, вплоть до крушения национальных культурных кодов. В результате концептуализации «культура отмены» определяется диссертантом как современная, преимущественно деструктивная форма культурно-цивилизационных взаимодействий, имеющая цифровую природу, характеризующаяся массовостью, публичностью, внеинституциональностью, неприятием альтернативных социокультурных норм и ценностей и отсутствием диалога, объединяющая ряд технологий борьбы с инакомыслием, слома или изменения социально-культурных нарративов, направленных на защиту своих и нивелирование чужих ценностных установок, что влечёт за собой искажение устоявшихся идентификационных стратегий. Её ключевой особенностью является отсутствие диалога, что подразумевает односторонний вектор движения культуры. На основании применения *функционального* и *культурно-цивилизационного* подходов к интерпретации «культуры отмены» была описана её двойственная природа. С одной стороны, она представляет собой социальную технологию управления общественным мнением (внутри одной культуры), с другой – является механизмом смены либо слома культурно-цивилизационных моделей (на межкультурном уровне).

6. На примере попыток отмены русской культуры диссертантом раскрыты деструктивные проявления «культуры отмены» в современных культурно-цивилизационных взаимодействиях. Негативная коннотация «культуры отмены» заложена в самом сочетании данных понятий и переводится как: вычеркивание, стирание, аннулирование, удаление культуры. Разрушительный вектор в современной практике межкультурных отношений Запада и России затрагивает буквально всё, вплоть до общепризнанных произведений русского классического искусства, известных артефактов культурно-исторического наследия, и даже таких культуuroобразующих элементов, как язык и религия. В диссертации предлагается и обосновывается подход, согласно которому «культура отмены» – это современный геополитический механизм трансляции западных норм и ценностей, новая форма цивилизационного противостояния, в рамках которого в межкультурном пространстве происходит символическое уничтожение «иной» (в данном случае – русской) культуры. Это позволяет интерпретировать «культуру отмены» в качестве элемента гибридной войны, как сублимацию прямого вооруженного противостояния. В этом смысле «культура отмены» сближается с ксенофобией, и, в частности, такой её формой – как русофобия. В современном цивилизационном контексте «культура отмены» раскрывается как востребованный механизм легитимации свободного и практически неограниченного распространения негативного отношения к русской культуре и, в целом, российской цивилизации, обходящий не только правовые, но и существующие этико-аксиологические нормы, препятствующие прямой дискриминации по культурному признаку. В

контексте цивилизационных взаимодействий «культура отмены» может быть востребована как механизм противодействия и разрушения «мягкой силы» как культурно-политической концепции современных государств на геополитической арене. Согласно развиваемому в диссертации подходу, повсеместная реализация западными странами практик «культуры отмены» (в-первую очередь, по отношению к русской культуре) нарушила цивилизационный, культурный баланс, что закономерно привело к экспансии западных унифицированных ценностей и потребительских стереотипов, создающих угрозу культурному суверенитету России. Именно поэтому в противовес реализации «культуры отмены» в актуальных нормативно-правовых актах был сделан особый акцент на культуре как факторе национальной безопасности, защите отечественных традиционных духовно-нравственных ценностей и основ самобытности России как государства-цивилизации, конструктивно интегрирующего культурное наследие и достижения его многонационального народа.

Теоретическая значимость отражается во всестороннем осмыслении феномена «культуры отмены» как формы культурно-цивилизационных взаимодействий в динамике культуры; описании зарождения и специфики развития современной «культуры отмены», а также философских и социальных концепциях, позволяющих раскрыть специфику природы механизмов «культуры отмены» посредством анализа прямо или косвенно связанных с ней феноменов (идентичность, социальная справедливость, общественное мнение, исторический нарратив, мораль, историческая память). Сопоставление аксиологического и функционального подходов к культуре позволило раскрыть причины многосмысленности и неоднородности интерпретаций «культуры отмены», показать её преимущественно деструктивную природу. В диссертации феномен «культуры отмены» представлен в качестве современного культурологического концепта, выделены его формы и черты, проведен анализ деструктивных проявлений цивилизационной формы «культуры отмены» при попытках отмены русской культуры.

Практическая значимость исследования. Материалы и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в межкультурной коммуникации, а также при подготовке стратегических документов в реализации государственной культурной политики в области национальной безопасности, охраны культурного наследия и сохранения национальной культуры.

Личный вклад соискателя состоит в:

– постановке проблемы исследования в отношении «культуры отмены» как социокультурной формы культурно-цивилизационных взаимодействий, присущей человечеству на протяжении всей истории;

– выявлении цивилизационной динамики, позволяющей интерпретировать «культуру отмены» в качестве преимущественно деструктивной формы культурно-цивилизационных взаимодействий;

– концептуализации «культуры отмены» в рамках культурологического дискурса;

– рассмотрении «культуры отмены» в контексте современных социокультурных процессов и национальной безопасности в рамках попыток отмены русской культуры.

– постановке проблемы необходимости выработки институциональных защитных механизмов противодействию технологиям «культуры отмены» на национальном (цивилизационном) уровне.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема и содержание диссертации соответствуют научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства по отрасли культурология, в том числе пунктам: 2. Теоретические концепции культуры; 3. Исторические аспекты теории культуры, мировоззренческие и ментальные аспекты теории культуры; 5. Морфология и типология культуры, ее функции; 9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов. Традиции и инновации в истории культуры; 11. Архитектоника культуры. Многоуровневое строение культуры и культурно-исторического процесса; 15. Возникновение и развитие исторически удаленных и современных феноменов культуры; 31. Этические и правовые трансформации культуры; 32. Культура и общество. Социокультурная динамика; 44. Культурная политика общества, национальные и региональные аспекты культурной политики. Государственная и негосударственная культурная политика; 48. Система распространения культурных ценностей и приобщения населения к культуре; 69. Культурная безопасность и безопасность культуры.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности работы обусловлена междисциплинарным подходом к изучению «культуры отмены» как современной формы культурно-цивилизационных взаимодействий. Обоснованность положений диссертационного исследования обеспечена опорой на основные научные методы и подходы, а также широкой базой привлеченных научных источников на русском и иностранных языках.

По теме исследования опубликованы 9 научных работ. Основные результаты диссертационной работы изложены в 4 статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (в изданиях, относящихся к категории К-2 – 3 статьи, к категории К-3 – 1 статья), а также научных изданиях, индексируемых в РИНЦ.

Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры философии, культурологии и межкультурных коммуникаций, докладывались на научно-практических конференциях разных уровней, среди которых наиболее значимы следующие: международная научно-творческая конференция «Искусство и наука третьего тысячелетия» (Симферополь, Крымский университет культуры, искусств и туризма, 16–17 ноября 2022 г., 23–24 ноября 2023 г., 21–22 ноября 2024 г.); международные научные чтения «Культура народов Причерноморья с

древнейших времен до наших дней» (Симферополь, Крымской федеральный университет, 2 ноября 2022 г., 29 ноября 2023 г.; 20 ноября 2024 г.); круглый стол «Культура как фактор национальной безопасности» (Симферополь, Крымский университет культуры, искусств и туризма, 13 декабря 2022 г.); всероссийская научно-практическая конференция студентов и молодых учёных «Крымский мир: культурное наследие» (Симферополь, Крымский университет культуры, искусств и туризма, 22–23 марта 2023 г., 14–15 марта 2024 г.; 27–28 марта 2025 г.); международная конференция-сессия «Государственное управление и развитие России: цивилизационные вызовы и национальные интересы» (Москва, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, 15–20 мая 2023 г., 20–24 мая 2024 г.); Второй всероссийский научный форум «Стратегии социокультурного развития России» (Симферополь, Крымский университет культуры, искусств и туризма, 24 мая 2023 г., 2 июня 2024 г.; 1 июня 2025 г.); международная научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов «Идентичность и коммуникация» (Москва, Московский государственный лингвистический университет, 13 апреля 2024 г.; 11 апреля 2025 г.); международная научно-практическая конференция «Культура и искусство: поиски и открытия» (Кемерово, Кемеровский государственный институт культуры, 16–17 мая 2024 г.); Десятый международный культурный форум «Культура XXI века: суверенитет или глобализм?» (Санкт-Петербург, 11–14 сентября 2024 г.); международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» (Краснодар, Институт Наследия, 26–29 сентября 2024 г.; 11–14 сентября 2025 г.); международная научно-практическая конференция «Проблемы идентичности в реалиях современного мира: междисциплинарный подход» (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный технологический институт, 27–28 сентября 2024 г.).

Структура работы соответствует целям и задачам исследования. Работа состоит из введения, двух глав, разделённых на шесть параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы. Общий объем диссертации составляет 226 страниц. Список литературы включает 237 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы исследования, анализируется степень научной разработанности проблемы, определяются объект, предмет, цель, задачи исследования, теоретико-методологические основы работы, формулируются положения, выносимые на защиту, степень научной новизны, излагаются теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся сведения об апробации материалов диссертации и публикациях автора.

В первой главе диссертационного исследования «**Историко-культурные и методологические аспекты феномена “культура отмены”**»,

состоящей из трёх параграфов, проводится анализ культурно-цивилизационных взаимодействий в системе динамики культуры, выявляются философско-методологические предпосылки феномена «культуры отмены», а также даётся характеристика генезису и эволюции современной «культуры отмены».

В первом параграфе «**Культурно-цивилизационные взаимодействия в системе динамики культуры**» представлен анализ новых и трансформировавшихся культурных форм и процессов, составляющих систему динамики культуры; в рамках цивилизационного подхода определены уровни и формы культурно-цивилизационных взаимодействий; показано место феномена «культуры отмены» в системе динамики культуры.

Рассматривая современное состояние культурной динамики, автором отмечается, что на первый план выходят культурно-цивилизационные взаимодействия. Смена культурной либо цивилизационной парадигмы в рамках *динамики культуры* происходит посредством внесения существенных изменений в ценностное ядро самой культуры. Это обусловило рассмотрение форм, влияющих на коммуникацию как внутри одной культуры, так и между культурами или цивилизациями.

Контркультура раскрывается в диссертации как кризисный механизм динамики культуры, который обуславливает её движение и приводит к замещению одной культуры другой путём замены устаревших, не принимаемых социумом норм и ценностей на иные.

Диссертантом были выделены два ключевых подхода к пониманию природы и функций контркультуры:

1) *социально-политический* или *функциональный*, включающий осмысление контркультуры как особой протестной формы, инструмента противостояния;

2) *этико-аксиологический*, где контркультура понимается как революционный способ смены культурной парадигмы, особый механизм изменения ценностного ядра культуры в ответ на социальные требования, что позволило рассматривать «культуру отмены» в качестве её рецидива.

Современные проявления «культуры отмены» представляют собой трансформировавшуюся контркультурную технологию, получившую за счёт глобализационных процессов выход за пределы одной культуры в межцивилизационное пространство. Это потребовало обращения к цивилизационному подходу в рамках концепций Н. Я. Данилевского, А. Тойнби и С. Хантингтона. Цивилизация в диссертационном исследовании определяется как наиболее масштабный уровень социокультурной общности, строящийся на добровольном принятии и разделении культурных ценностей.

Среди основных положений цивилизационного подхода особо подчеркивается невозможность слияния между цивилизациями, а взаимодействие между ними может иметь формы сотрудничества или конфронтации (Н. Я. Данилевский), соперничества, перерастающего в столкновение (А. Тойнби), цивилизационного разлома (С. Хантингтон).

Опираясь на концепцию «разлома между цивилизациями» С. Хантингтона как методологическую основу международных проявлений «культуры отмены», диссертантом выделяются её основные положения:

1. Цивилизационный разлом тесно связан с проблемами идентичности, вышедшими на глобальный уровень. Роль культуры и культурных идентичностей становится главенствующей в современной геополитической ситуации.

2. На первый план выходят не государственные, а культурные и цивилизационные границы, вдоль которых образуются и разломы и происходят конфликты. Они имеют символическую окраску и связаны с защитой собственной идентичности.

На основании проведенного исследования автором выделяются два типа регулятивных механизмов в системе динамики культуры: а) предполагающие двустороннюю коммуникацию (диалог культур, мультикультурализм); б) отвергающие коммуникацию (культурный фундаментализм, контркультура, «культура отмены»).

Подчеркивается, что «культура отмены» оказывается антиподом диалога культур и представляет собой регулятивный механизм культуры, отвергающий взаимодействие.

Установлено, что попытки перехода от равноправной межкультурной коммуникации к монологической системе воздействия (И. В. Малыгина) на чужие культуры выводят негативные формы культурной динамики (контркультуру) на качественно новый уровень («культуру отмены»).

В системе культурно-цивилизационных взаимодействий «культура отмены» может проявляться на двух *уровнях*:

1) внутри одной культуры и между различными культурами в рамках одной цивилизации (как контркультурная технология);

2) на глобальном уровне между цивилизациями (как попытка создания унифицированного общецивилизационного пространства).

Во втором параграфе **«Философско-методологические основания феномена “культура отмены”»** определены методологические основания концептуализации «культуры отмены» и выявлены исторические и теоретические предпосылки его однозначного научного употребления.

Показывается, что в различных философских трудах начиная с Античности встречаются отсылки к технологиям «культуры отмены».

Проведённый диссертантом анализ позволил выделить и рассмотреть несколько сопредельных с «культурой отмены» концепций.

1. *Концепция относительности формирования норм морали* (Ф. Ницше). В её основе лежит представление о субъективной природе этических норм и ценностей в обществе. Определено, что данная теория выступает в качестве теоретической основы движений «новой этики».

2. *Концепция исторической памяти и исторического нарратива* (Г. Риккерт, П. Рикёр, Ф. Анкерсмит, П. Хаттон). Исторический нарратив понимается как особым образом выстроенный и выверенный рассказ, включающий само событие, память о нём и субъективный опыт. Он обладает

возможностью конструирования и замещения смысла события в истории, когда объективность уступает место авторской интерпретации. Это открывает возможности для манипулирования, искажения и забвения определённых событий. Нарративная особенность описания исторических событий рассматривается в диссертации как методологическая основа «культуры отмены» в её цивилизационном аспекте.

3. *Концепции социальной справедливости, общественного мнения и «стирания молчания»* (Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локк, Д. Юм, Ю. Хабермас, Н. Больц, Э. Ноэль-Нойман). Феномен «спирали молчания» способен оказывать на социальные отношения влияние двоякого рода: при согласии с мнением большинства (или одобряемого меньшинства) человек получает весь спектр благ, а при конфронтации с ним – рискует оказаться в изоляции, подвергнувшись остракизму. Спираль молчания приводится в движение страхом перед наказанием, а социальная справедливость имеет относительную природу. Эти концепции рассмотрены в диссертации в качестве философско-методологической основы, объясняющей инструментальные функции «культуры отмены» в обществе.

Сопоставив и проанализировав данные концепции в корреляции с «культурой отмены», диссертант определил, что она выходит за рамки технологии установления социальной справедливости и представляет собой универсальный механизм цензурирования и трансформации культурно-цивилизационных моделей.

В третьем параграфе **«Эволюция “культуры отмены” как социокультурной практики: от генезиса к социальным течениям XX–XXI веков»** даётся характеристика зарождению «культуры отмены» и её развитию от внутрикультурной до цивилизационной технологии.

Отмечается, что широкое обсуждение «культуры отмены» началось в западной прессе в 2017 году, и уже в 2020 году в англоязычной среде данное понятие вошло в тройку самых употребляемых слов. В основном, в англоязычных исследованиях «культуру отмены» рассматривают в контексте технологий бойкота, отмены и неприятия тех членов общества, чьи действия можно охарактеризовать как недопустимые.

Подчёркивается, что практики исключения (отмены) как наказания за общественные проступки и преступления были присущи человечеству ещё тысячелетия назад не только на Западе («проклятие памяти», остракизм в Античности, «неправедный суд», церковные анафемы, «гражданская казнь», чистки государственных учреждений в 1930-е годы, снос памятников и др.), но и на Востоке (отношение к «неприкасаемым» в Древней Индии). Установлено, что исторически сложившиеся разнообразные формы исключения граждан из социальной структуры от современной «культуры отмены» отличает их институционализированность.

Эволюция «культуры отмены» происходит в прямой связи с развитием средств массовой коммуникации, облегчающих и ускоряющих передачу информации.

Все социально-культурные практики, которые в настоящее время называют «культурой отмены», диссертантом выделяются в четыре типа:

1. *Протестные движения американских студентов 2015–2017 годов* (так называемая «культура безопасности»). Это выражение категорического несогласия с существованием альтернативной точки зрения, нежелание конструктивного диалога и компромисса.

2. *Движение «#MeToo»*, связанное с публичным разоблачением и порицанием известных личностей. Это попытки добиться справедливости там, где не работают правовые институты (П. Норрис).

3. *Движения против расизма «Black Lives Matter»*. Особенностью данных практик становятся попытки искажения истории, а также отсутствие временных рамок, когда отмене подвергаются исторические личности.

Все описанные выше современные западные течения сегодня объединяет феномен «новой этики». Она представляет собой социокультурные технологии смены ценностных ориентиров путём радикального пересмотра «старых» морально-этических норм.

4. *Международный уровень «культуры отмены»* (попытки «отмены» России и русской культуры на Западе). Важным этапом эволюции «культуры отмены» и её окончательной трансформацией является распространение этой технологии в сферу цивилизационных отношений. Применение технологий «отмены» в отношении целых стран и народов наиболее ярко видно на примере попытки отмены России, её культуры и традиций с 2022 года.

Проведённый сравнительно-исторический анализ зарождения и эволюции «культуры отмены» позволяет утверждать, что, во-первых, данный феномен появился в примитивных обществах. Во-вторых, в правовом и околоправовом пространстве механизмы исключения и изгнания представляли и превентивную меру, и механизмы коррекции «исторической памяти». В-третьих, особенности её зарождения в университетской среде свидетельствуют о контркультурной природе «культуры отмены». В-четвёртых, свою современную форму и активное распространение «культура отмены» получила при развитии цифрового коммуникативного пространства.

Во второй главе диссертационного исследования **«Концептуализация “культуры отмены” в современном культурологическом дискурсе: цивилизационный вектор»**, состоящей из трёх параграфов, исследуются различные интерпретации феномена «культуры отмены», проводится процедура её концептуализации и систематизации основных трактовок. На материале попыток отмены русской культуры были обоснованы цивилизационные проявления «культуры отмены» как деструктивной формы культурно-цивилизационных взаимодействий.

В первом параграфе **«Основы интерпретации феномена “культура отмены”: аксиологический vs функциональный подходы к культуре»** рассмотрены и определены смысловые границы понятия «культуры отмены» путём сопоставления русской и английской трактовок культуры в рамках аксиологического и функционального подходов.

Семантика понятия «культуры отмены» значительно шире, чем понимается сегодня в периодических изданиях (борьба за справедливость и формирование общественного мнения) и научных публикациях (в основном, «новая этика»). Кроме того, важной является проблема «правильного» («культура отмены») и «неправильного» (отмена культуры) токования cancel culture. Такая противоречивость и размытость понятия связывается диссертантом с различием в интерпретации самой культуры.

В русском языке культура имеет ценностное наполнение, связана с духовностью и совершенством и не несет в себе прямого противопоставления другим народам, государствам и ценностям. Она интерпретируется как общее свойство человеческого рода, имеющее свои уровни, типы, различающиеся ценностями и нравственными принципами, но не выстраиваемые в иерархию. Антонимом к русскоязычному слову культура выступает слово бескультурье. Даже понимание культуры как нормативного регулятора (А. В. Костина) не лишает её аксиологической интерпретации.

Западная трактовка culture имеет несколько иной характер, в основе её антонима лежит не противопоставление культуре вообще, а оппозиция чужой культуре: цивилизация – варварство. Она отражает особенности ментальности человека, обособления общества, культурных различий и релятивизма, экономических, политических, образовательных, религиозных и иных социальных систем (Л. Уайт). Культура (culture), в первую очередь, выступает средством обеспечения безопасности, что коррелирует с функциями «культуры отмены» как социальной технологии борьбы с чужими ценностями и всяческим инакомыслием. Воздействие на культурные нормы практически невозможно в пределах «институционалистских решений» (Ф. Фукуяма), что порождает новые, внеинституциональные формы борьбы с культурой («культуру отмены»).

Установлено, что у «культуры отмены» пока нет единого смыслового поля, а понимание различий в интерпретации культуры объясняет её деструктивную природу.

Во втором параграфе «**“Культура отмены” как культурологический концепт: типологизация и систематизация подходов**» выделены базовые характеристики и подходы к интерпретации «культуры отмены». Это позволило систематизировать её основные черты и провести концептуализацию в рамках культурологического дискурса.

Смысловое содержание «культуры отмены» крайне неоднородно и контекстуально. В результате применения междисциплинарного подхода при анализе проявлений и типов «культуры отмены» были систематизированы подходы к её определению, а сама «культура отмены» была представлена как современный культурологический концепт.

На основании проведённого исследования диссертантом выделяется три смысловых вектора «культуры отмены»:

1. *Технология управления и контроля цифрового пространства и мира социальных сетей.* Развитие «культуры отмены» как технологии манипулирования общественным мнением связано с появлением социальных

сетей и опирается на характеристики цифровой среды (анонимность, безнаказанность, быстрота распространения информации, оторванность от контекста). В медиапространстве «культура отмены» является технологией упрощения восприятия и продвижения односторонних взглядов, а также социального контроля, манипулирования и удаления проблемных людей и смыслов из доминирующей культуры.

2. *Механизм смены ценностных парадигм и искажения идентификационных стратегий в контексте «новой этики».* Данный смысловой вектор строится на привлечении ряда этических категорий и концепций (этика долга, этический релятивизм, «этический эгоизм» и др.) для объяснения природы «культуры отмены» как инструмента «новой этики». Неконтролируемые технологии «культуры отмены» усиливают «моральную инверсию» (А. П. Марков) и исключают альтернативные ценности и идентичности (С. Фелан). «Культура отмены» определяется как репрессивная технология коммуникации.

3. *Социально-политическая технология гибридной войны с «неудобными культурными кодами».* Наиболее распространенная трактовка «культуры отмены» связана с её пониманием как средства политического продвижения определенных идей и взглядов в ситуациях, где большинство (либо активное и политически поддерживаемое меньшинство) усматривает угрозу национальным ценностям и личным убеждениям. Социально-политический подход к определению «культуры отмены» диссертант условно разделил на два *уровня*: внутригосударственный и международный (цивилизационный). В первом случае «культура отмены» рассматривается как «форма подавления альтернативных точек зрения» (П. Норрис) и продвижения желаемых взглядов и ценностей. На втором уровне «культура отмены» определяется диссертантом как современная цифровая технология гибридной войны, позволяющая эффективно воздействовать на идентичность, культуру и национальное самосознание человека.

На основании анализа отечественных и зарубежных исследований диссертантом были выделены основные черты «культуры отмены»: массовость и публичность, обеспечиваемая посредством распространения в цифровом пространстве; внеинституциональность, а, следовательно, отсутствие структуры, присущей правовым институтам; цензурирование культуры как изменение или искажение её ценностного ядра; опора на идентификационные стратегии; деструктивность.

В результате сравнения и сопоставления интерпретационных векторов и базовых признаков «культуры отмены» была проведена процедура концептуализации исследуемого феномена. «Культура отмены» определена диссертантом как современная деструктивная форма культурно-цивилизационных взаимодействий, имеющая цифровую природу, характеризующаяся массовостью, публичностью, внеинституциональностью, неприятием альтернативных социокультурных норм и ценностей и отсутствием диалога, объединяющая ряд технологий борьбы с инакомыслием, слома или изменения социально-культурных нарративов, направленных на

защиту своих и нивелирование чужих ценностных установок, что влечёт за собой искажение устоявшихся идентификационных стратегий.

На основании вышеизложенного были выделены два основных подхода к интерпретации технологии «культуры отмены»: *функциональный* и *культурно-цивилизационный*. В первом случае она представляет собой социальную технологию управления общественным мнением внутри государства либо одной культурной парадигмы, во втором – механизм смены или слома культурно-цивилизационных моделей на международном, глобальном уровне.

В третьем параграфе **«Деструктивные проявления “культуры отмены” в культурно-цивилизационных взаимодействиях (на примере русской культуры)»** рассмотрены конкретные примеры, иллюстрирующие попытки отмены русской культуры в западном цивилизационном пространстве; на их основе раскрывается разрушительный характер «культуры отмены» как формы цивилизационного противостояния, несущей угрозу культурному суверенитету России.

Деструктивная сущность «культуры отмены» активно проявляется не только в отдельных межкультурных контактах, но и в более широком, геополитическом масштабе. «Культура отмены» является значимой составляющей современных межцивилизационных взаимодействий Русского мира и коллективного Запада.

Культурно-цивилизационное противостояние России и Запада интерпретируется в формате «гибридной войны», в которой «cancel culture» как буквально, «удаление культуры», затрагивает абсолютно всё (ценности, историю и т. п.), вплоть до такого культурообразующего элемента, как язык.

Отмечается, что попытки отмены русской культуры в странах Запада (и странах, находящихся под его влиянием), происходят практически во всех сферах культуры и общества. Это запреты произведений русского искусства, деятельности Русской Православной церкви, работы российских ученых, преподавания русского языка, литературы, дискриминация спортсменов на Олимпиаде и т.д., что подтверждает новый, межцивилизационный уровень данного процесса. Он отражает борьбу за ценности, составляющие основу культурной и цивилизационной идентичности. «Культура отмены» на данном уровне – это новая форма культурного и цивилизационного противостояния, в рамках которого происходит символическое уничтожение иной культуры. В этом смысле «культура отмены» является формой продвижения ксенофобии, и, в частности, такой её формы – как русофобия.

Подчеркивается, что нарушение цивилизационного и культурного баланса влечёт за собой навязывание западных унифицированных ценностей и потребительских стереотипов. Эти процессы требуют переосмысления вышеозначенных механизмов «культуры отмены» с позиций современных тенденций национальной культурной политики. Именно она способна вырабатывать инструменты защиты культурного суверенитета, укрепления коллективной и цивилизационной идентичности (О. Н. Астафьева), что будет напрямую противодействовать глобальным угрозам уничтожения русской

культуры и российской государственности. Необходимость противостояния цивилизационным вызовам нашла своё отражение в различных отечественных нормативно-правовых документах последних лет, уточняющих и защищающих «культурный суверенитет», цивилизационную самобытность, традиционные духовно-нравственные ценности, а также противодействующих искажению исторической памяти.

Таким образом, «культуре отмены» как деструктивной форме культурно-цивилизационных взаимодействий противостоит развиваемая в России концепция поликультурности и многополярности.

В Заключении подводятся итоги, формулируются выводы и отмечаются перспективы дальнейшего исследования.

Усложнение современной динамической системы культуры приводит к появлению новых и трансформации уже устоявшихся форм и механизмов культурно-цивилизационных взаимодействий. В современном научном культурологическом пространстве выделяются формы как внутрикультурной динамики, так и межкультурного (цивилизационного) взаимодействия, оказывающие влияние на развитие каждой культуры. Их условно можно разделить на позитивные, предполагающие двустороннюю коммуникацию и негативные, её отвергающие. В рамках одной культуры были выявлены значительные сходства технологий отмены и контркультурных механизмов, что позволяет интерпретировать «культуру отмены» как своеобразный рецидив контркультуры. Являясь технологией проявления и усугубления «разлома между цивилизациями», «культура отмены» выступает инструментом цензурирования и регуляции в цивилизационных взаимодействиях. Таким образом, её проявление имеет два уровня: как рецидив контркультуры в рамках одного культурного пространства и как технология демонстрации цивилизационного разлома и противостояния в глобальном пространстве.

Понимание природы «культуры отмены», а также становление её социально-культурных механизмов и цивилизационных проявлений связано с феноменами общественного мнения, социальной справедливости, относительности морали, безопасности и равенства, а также с концепциями манипулирования и искажения исторической памяти, особенностями исторического нарратива и исторической интерпретации. Философско-методологическое осмысление феномена «культуры отмены» позволило вывести его за границы современной трактовки как технологии манипулирования общественным мнением и расширить его семантическое поле, акцентируя внимание на культурно-цивилизационных взаимодействиях.

Попытки исключить неудобные либо неприемлемые социокультурные паттерны поведения и мышления практически всегда присутствовали в социальной практике человечества. Предпосылками современной формы «культуры отмены» были внеинституциональные формы социального регулирования (бойкот, изгнание), вариации незаконного или несправедливого суда, самосуда, а также альтернативы и дополнения правовых форм, такие как анафема, гражданский суд и другие. По своей

природе с «культурой отмены» схожи различные вариации контркультурных течений. Практически все новые социально-культурные движения в цифровом пространстве, направленные на установление социальной справедливости («новая этика»), также относятся к канселлингу. Таким образом, «культура отмены» – это современный феномен, объединивший всю совокупность разносторонних общественных практик, изначально направленных на установление социальной справедливости. Тем не менее, даже на ранних этапах развития «культуры отмены» проявляется её деструктивная природа, заключающаяся в ослаблении или полном отсутствии механизмов правового контроля над её технологиями, искажения исторической памяти и нарушения принципов свободы слова.

Обосновывается различие смысловой нагрузки социально-политической и антропологическо-ценностной интерпретации «культуры отмены». Различия в семантике «культуры отмены» связаны с полярностью интерпретации самого понятия культуры в русскоязычных и англоязычных традициях, сводящихся соответственно к аксиологическому и функциональному подходам. «Культура отмены» как социально-политическая технология борьбы с чужими ценностями и инакомыслием возникла из западного (функционального) подхода к культуре, который преимущественно выносит «за скобки» ценностную и этическую составляющие. Здесь «культура отмены» неразрывно связана с искажением формирования идентичности и с угрозой национальной безопасности.

Смысловое содержание понятия «культура отмены» крайне неоднородно и зависит от контекста употребления. Были определены три вектора интерпретации данного понятия: 1) технология управления и контроля цифрового пространства и мира социальных сетей; 2) механизм смены ценностных парадигм и искажения идентификационных стратегий в контексте «новой этики»; 3) социально-политическая технология гибридной войны с «неудобными культурными кодами». На основании данных смысловых интенций автором было предложено определение «культуры отмены» как современной формы культурно-цивилизационных взаимодействий, обладающей такими чертами, как: массовость, публичность, цифровая природа, внеинституциональность, и отсутствие структуры, присущей правовым институтам, цензурирование культуры и искажение её ценностного ядра, опора на идентификационные стратегии, деструктивность. В процессе исследования природы «культуры отмены» были выделены два основных подхода к её интерпретации: функциональный (внутрикультурный) и цивилизационный. «Культура отмены» расширяется от технологии формирования общественного мнения до механизма цензурирования «культурного ядра», составляющего основу культурно-цивилизационной модели.

Исследование конкретных примеров цивилизационного проявления «культуры отмены» как попыток отмены русской культуры на Западе раскрывает её деструктивный характер. Запад и Россия показываются как разные, но взаимодействующие цивилизации, а «культура отмены» – это

современный механизм разрушительного воздействия западной цивилизации на российское государство-цивилизацию. Попытка отмены русской культуры в странах Запада происходит практически во всех сферах (культура, религия, спорт, наука, образование), что выводит этот процесс на новый – междивизиционный уровень: происходит борьба за ценности, которые составляют цивилизационную идентичность. Для России защита традиционных ценностей является стратегическим приоритетом и важным вопросом национальной безопасности. Все связанные с попытками отмены и искажения русской культуры и идентичности аспекты закреплены в специальных нормативно-правовых документах, в которых технологии и формы борьбы с русской культурой и российской государственностью прямо связываются с деструктивной идеологией Запада. В российской цивилизации внедрение «культуры отмены» невозможно, так как Россия – это страна «собираательница», имеющая многовековой опыт гармоничного сосуществования совершенно разных народов посредством реализации ценностно-идеологической парадигмы «Русского мира».

Основные положения и выводы исследования представлены в следующих публикациях автора, в том числе:

в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки высшего образования Российской Федерации:

1. *Костенко, О. В.* Историко-философские предпосылки становления понятия «культура отмены» / О. В. Костенко // *Общество: философия, история, культура.* – 2023. – № 5. – С. 248–252. – DOI : 10.24158/fik.2023.5.38. (0,65 п.л.).

2. *Костенко, О. В.* К концептуализации «культуры отмены»: аксиологическая vs функциональная интерпретации культуры в отечественном и зарубежном социокультурном пространстве / О. В. Костенко, О. И. Микитинец // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки.* – 2024. – № 12. – С. 154–161. (0,77 п.л.; (*Костенко О. В.: разработка концепции, проведение исследования, написание черновика рукописи; Микитинец О. И.: научное руководство, разработка методологии, написание рукописи – рецензирование и редактирование.*)

3. *Костенко, О. В.* Культура отмены как культурологический концепт: к систематизации подходов / О. В. Костенко // *Культура и цивилизация.* – 2025. – Т. 15. – № 4-1. – С. 76–85. (0,89 п.л.).

4. *Костенко, О. В.* Эволюция «культуры отмены» как социокультурной практики: от генезиса к социально-политическим течениям XX–XXI вв. / О. В. Костенко // *Культурная жизнь юга России.* – 2024. – № 4. – С. 40–50. – DOI : 10.24412/2070-075X-2024-4-40-50. (0,97 п.л.).

в других научных изданиях:

5. *Костенко, О. В.* Структурно-функциональные основания типологии интерпретаций контркультуры / *О. В. Костенко // Таврические студии.* – 2022. – № 32. – С. 25–30. (0,52 п.л.).

6. *Костенко, О. В.* «Культура отмены» как угроза национальному суверенитету России в условиях геополитических противостояний / *О. В. Костенко // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.).* – М. : Институт Наследия, 2024. – С. 126–127. – DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004. (0,05 п.л.)

7. *Костенко, О. В.* «Культура отмены» практики современного искусства / *О. В. Костенко // Таврические студии.* – 2023. – № 35. – С. 8–15. (0,73 п.л.).

8. *Костенко, О. В.* «Культура отмены» как механизм искажения национальной идентичности / *О. В. Костенко // Проблемы идентичности в реалиях современного мира: междисциплинарный подход : матер. междунар. науч.-практ. конфер. (Санкт-Петербург, 27–28 сентября 2024 г.).* – СПб. : СПбГТИ(ТУ), 2024. – С. 44–46. (0,17 п.л.).

9. *Костенко, О. В.* Деструктивный вектор «культуры отмены» в современных культурно-цивилизационных взаимодействиях (на примере русской культуры) / *О. В. Костенко // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. XI междунар. науч. форума (Краснодар, 11–14 сентября 2025 г.).* – М. : Институт Наследия, 2025. – С. 128–129. – DOI : 10.34685/НИ.2025.20.28.002. (0,08 п. л.).

Общий объем публикаций автора по теме диссертационного исследования – 4,83 п.л.

Костенко О. В.

**«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА
КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ**

Автореферат

Подписано в печать: 24.10.2025. Объем уч.-изд. л.: 2,14

Отпечатано с оригинал-макета заказчика